

— АННА ГУРОВА —

МЕЛЬНИЦА ЖЕЛАНИИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)1-442
Г95

Разработка серийного оформления *Елены Лазаревой*
Иллюстрации *Михаила Емельянова*

Гурова, Анна Евгеньевна.

Г95 Мельница желаний : [роман] / Анна Гурова. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2026. — 384 с. — (Скандинавская мистика).

ISBN 978-5-17-181089-4

Колдунья Лоухи, правительница мрачной Похёлы, похитила частицу Мирового Древа и заключила её в сампо — мельницу, способную исполнять любые желания. Последствия этого колдовства волнами расходятся по всем мирам. Установленный богами порядок дает трещину. Исчезают границы между владениями людей и духов, леса и воды полнятся чудищами...

Молодой охотник Ильмо из северного народа карьяла сталкивается с девушкой-оборотнем и одним из первых понимает, что в мире что-то изменилось. Пытаясь защитить свою землю, он шаг за шагом втягивается в противостояние с силами, которые далеко выходят за пределы обычной жизни и человеческой воли...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)1-442

© Анна Гурова, текст, 2026
© Михаил Емельянов, илл., 2026
ISBN 978-5-17-181089-4 © ООО «Издательство АСТ», 2026

Пролог

Солнце взошло в густом тумане, а потом с севера налетел такой колючий и студёный шквал, словно кто-то наслал его с самого Вечного Льда. Ещё вчера море было зеленым, как летний луг, а теперь катились одна за другой угрюмые тусклые волны. Небо с утра затянуло слоистыми облаками. Солнце то проглядывало сквозь них расплывчатым пятном, то скрывалось в мутной хмари. Одно хорошо — ветер скоро переменился с северного на южный. Поставили мачту, подняли парус — корабль побежал веселее.

Драккар был двадцативесельный, всей команды — четыре десятка гребцов да кормчий-варг с двумя помощниками. На веслах трудились бледные малорослые саами, которых наловили по прибрежным селениям и заставили грести, угрожая смертью.

Управившись с парусом, варги устроились на корме отдохнуть и перекусить. Каждый вытащил свои припасы — то, что догадался взять в поход. Гребцов же не кормили второй день. Зачем тратить снесь на тех, кому не суждено вернуться?

«Как кстати пришелся попутный ветер, — подумал Бьярни, кормчий. — Ещё такой денек, как вчера, и господам тунам пришлось бы самим садиться на весла».

Он представил себе это зрелище и усмехнулся, убедившись, что туны не смотрят в его сторону.

Корабельщики задумчиво съели по куску вяленой трески, зажевали кислым ржаным хлебом, и Аке, молодой помощник, тихо спросил:

— Узнали, куда идем-то, дядька Бьярни?

— Куда похъёльцы скажут, туда и пойдем, — ответил кормчий, суровостью тона намекая Аке, что лучше бы тому помолчать.

Но помощник не унимался:

— Недоброе здесь место — что небо, что море. Ветер переменялся, как будто кто-то чародейский узел развязал.

— Почему же как будто, — тихо отозвался старший варг.

— А ты заметил, что уже почти полдень, а тени не двигаются?

Бьярни промолчал, поскольку сказать ему на это было нечего. Он уже не раз нанимался кормчим к тунам, но таких странных походов еще не случалось. Третий день, как они отчалили от берега, сразу взяв курс в открытое море, и с тех пор их окружали только волны, косатки да косяки рыбы. И плавающие ледяные горы, которым в это время года здесь появляться не положено. Бьярни хорошо знал все берега Дышащего моря, от единственной незамерзающей гавани Похъёлы до извилистых заливов нордлингов, но куда они сейчас забрались, не понимал.

И море незнакомое, и всё вокруг неправильно. Вчера целый день упорно дул встречный ветер, гребцы выбивались из сил, а к вечеру море заволокло туманом и почти сразу всех потянуло в липкий, неодолимый сон. Слава Одноглазому, выручили

туны — полночи пели заклинания, отгоняя белое марево и не давая никому заснуть. Наконец туман разметало ветром — и на небе проглянули незнакомые звезды.

— Туны небось знают, куда плыть, — повторил Бьярни. — Они нас отсюда выведут.

— Ничего, без нас все равно не выберутся, — проворчал Олоф, надсмотрщик за гребцами, сядясь рядом и доставая увесистый мешок со снедью. — Ветер-то попутный задул — ух, вовремя! Рыбеды едва веслами ворочают. До чего же квелый, никудышный народец эти саами, и взять с них нечего. Помню, позапрошлым летом ходили мы...

— У тебя, говорят, ночью несколько гребцов погибло?

— Вроде того. Кто сидел дальше всех от тунов и тумана нахлебался — уснул и не проснулся. Их так спящими и выбросили за борт. — Олоф оглянулся, понизил голос: — А может, сначала туны кровь выпили, а выкинули уже потом. Не пропадать же добру.

— Хватит повторять саамские выдумки, — с досадой сказал Бьярни.

— Выдумки-то выдумками, однако... Я следил за тем, как бросали спящих гребцов, у одного точно кровь спустили. Уж поверь, я разбираюсь. Думаешь, почему туны с собой еды не взяли? — Олоф махнул рукой вниз, где виднелись головы гребцов: — Вон она, их еда...

Аке недоверчиво фыркнул:

— Быть того не может! Да я бы никогда к людоедам не нанялся!

Бьярни и Олоф одинаково ухмыльнулись.

— Пусть хоть друг друга жрут, лишь бы нам платили, — сказал надсмотрщик.

Туны недаром набирали наемников только среди мореходов-северян. Слухи об отваге и жестокости варгов расходились по всему миру гораздо дальше, чем заплывали их драккары. Что на море, что на побережьях их боялись сильнее, чем злых чародеёв-тунов. Темная страна Похьёла, где царит вечный холод и ночь длится полгода, слишком далеко, чтобы бояться ее по-настоящему. Алчность же варгов неутолима.

— Ты не прав, — возразил надсмотрщику Бьярни. — Никто никого не жрет. Туны все ж не звери... хоть, конечно, и не люди. А не взяли припасов, потому что точно знают, куда и сколько нам плыть.

Подумал и добавил:

— Надеюсь.

Наемники одновременно посмотрели на нос драккара. Там с самого рассвета стояли туны, неподвижные, словно изваяния. Не мигая, смотрели вперед, в свинцовое море, изредка перебрасываясь словами на своем тайном языке. Как будто каждый миг чего-то ждали.

Тунов было шестеро. Акка Лоухи, ее ближайшие родичи и охрана, ее придворный колдун с учеником. Все они принадлежали к роду Ловьятар, древнейшему и самому сильному в Похьёле. Отплывали из столичной гавани в глубокой тайне. Хотя какие тайны могут быть у одного туна от другого? Недаром говорят, что тун рождается колдуном, как, к примеру, варг — воином, и охотником — лесной житель карьяла.

Акка Лоухи, глава рода, выглядела худой, высокой старухой. У нее было костистое лицо и не по годам острый взгляд хищной птицы. Жесткие си-

вые пряди падали на спину из-под железного венца, в ушах покачивались оправленные в серебро аметистовые щетки. Широкое ожерелье, защищающее не хуже доспеха, скрывало острую грудь. Лоухи славилась по всему северу как грозная чародейка; иные поговаривали, что она сродни богам... Охрана за ее спиной присутствовала скорее для пущей важности, а не по необходимости. На своем корабле та, кого давно уже называли Хозяйкой Похъёлы, могла никого не опасаться.

Колдун по прозвищу Филин, настоящего имени которого никто не знал, смотрелся рядом с ней дряхлой развалиной. Поредевшие волосы выбелила старость, а тонкие кости как будто гнулись под невеликой тяжестью его тщедушного тела. В худых птичьих лапках он держал гусли-кантеле, искусно сделанные из высушенной человеческой руки. Струны были натянуты на скрюченные пальцы, словно бывший хозяин руки перед смертью запутался в железной паутине. Кантеле, разумеется, чародейское; подобного ему не было ни у кого в Похъёле, и не было туна, который не мечтал бы заполнить его.

Позади Лоухи застыли родичи-туны, ее свита и охрана. Одетые, на первый взгляд, неказисто — в косматые серо-сизые плащи от шеи до пят. Однако любой, кто хоть раз видел тунов вблизи, сразу понял бы, что это никакие не плащи, а мощные крылья. Похъельские оборотни, распушив перья, наслаждались потоком ветра. Людям он казался смертоносно-холодным, тунам же был ласковым бризом. Все они схожи между собой: длинные черные или сизые волосы, схваченные железными обручами, пронзительные аметистовые глаза, смуглая кожа с синеватым отливом, тонкие птичьи черты, почти безгубые

рты. Маховые перья охранников украшали острые железные накладки, лица скрывали легкие клювоголовые шлемы, руки — когтистые латные перчатки. Рядом с Лоухи стоял мальчик-подросток, черноволосый, в иссиня-черных перьях. На плече у него висело кантеле в чехле — не костяное, обычное.

— Смотрите! Чайки! — воскликнул он первым, указывая куда-то в пустоту моря и неба. — Впереди земля!

Остров возник словно видение. Растаяла туманная дымка, и вдруг появился он — огромный одинокий камень посреди моря. Издалека виднелась полоса белой пены там, где скалистые берега встречались с волнами. Над пеной с криками летали чайки. Выше росли сосны, цепляясь корнями за каждый уступ. А над зеленой полосой сосняка высилась исполинская гора. Поросшая кустарником, словно древний ствол — мхом, она круто уходила вершиной в облака.

— Ого, какая высокая! — задрал голову, с восхищением воскликнул мальчик-тун. — Жалко, что небо в тучах. Не увидеть, насколько она высока...

— Ее вершины никто не видел, кроме богов, Рауни, — ответил колдун. — Она уходит к звездам.

Если бы туны вздумали обернуться, их бы наверняка позабавило то, как потрясены увиденным наемники-варги. Бьярни и Олоф трясущимися руками нащупывали обереги, бормоча имена богов. Аке на всякий случай преклонил колено.

— Помоги нам, Всеотец! — наконец выговорил Олоф. — Это же Великий Ясень! Один из трех его корней, что растет из Мидгарда!

Чуть ли не впервые в жизни варги по-настоящему перепугались. Среди людей они ни с кем не побоялись бы вступить в бой, но оскорбить богов — совсем другое дело! Боги варгов были могущественные, злопамятные и мстительные — такие же, как они сами.

Но тунам не было никакого дела до переживаний наемников. Они с удовольствием разглядывали остров, словно он уже стал их собственностью.

— Вот она перед нами — Звездная Ось, на которой крутится колесо мира, — с торжественным видом произнес Филин. — Здесь не бывает смены дня и ночи. Здесь не движется само Время!

— Я уж и не надеялась, что мы сюда доберемся, — ехидно сказала Лоухи. — Думала, заблудимся, как в прошлый раз. И в позапрошлый.

Старик нахохлился:

— Если бы не мое чародейское искусство, что провело нас меж двух миров невредимыми...

— Да если бы не подсказки Алчущей Хорна, с которой я — именно я! — расплатилась кровью...

— Жутковато здесь, правда? — невзначай перебил их мальчик. — У меня даже перья дыбом!

Чародей и колдунья разом замолчали. Лоухи покосилась на Филина и язвительно улыбнулась.

— Это божественное место, Рауни, — кашлянув, объяснил колдун. — Оно не для смертных. Каждый шаг по этой земле — дерзкое вмешательство в замысел мироздания.

— Правда, что оттуда даже днем видна Полярная звезда? — спросил юный тун.

— Ступица Мирового Колеса, — уточнил колдун. — Так оно и есть.

— Везет же тебе, дядя Филин, — увидишь все собственными глазами! Взял бы меня с собой на остров, а?

При этих словах Лоухи вздрогнула. Но колдун не заметил этого. Он добродушно сказал мальчику:

— Будь я уверен, Рауни, что от тебя будет хоть какая-то польза, я бы тебя взял. Но пока твоя игра на кантеле оставляет желать лучшего.

— Что ж, я по крайней мере видел Мировую Ось с драккара, — беспечно сказал Рауни. — Сестренка лопнет от зависти, когда я вернусь и расскажу ей!

Колдун похлопал мальчика по худому плечу и повернулся к Лоухи.

— Приступим, — сказал он. — Для начала попробуем подойти поближе к острову и выгрузить жертвы.

В прибрежных рифах кипел прибой. Едва взглянув на него, Бьярни заявил, что пристать к берегу нечего и пытаться. Обойдя остров, издалека высмотрели место, где берег полого спускался к воде, но добраться до него на драккаре не было никакой возможности.

Филин тронул струны своего зловещего кантеле и тихо запел, но сразу же оборвал пение.

— Бесполезно, — сказал он. — Я сам себя не слышу. Бросайте якорь.

Корабль остановился шагах в ста от берега. По приказанию колдуна Олоф поднял всех гребцов с их скамеек у весел. Саами столпились в середине драккара, покачиваясь от голода и усталости.

— Всех за борт! — приказал Филин. — Пусть добьются вплавь!

Олоф аж язык прикусил — так ему хотелось спросить: «А обратно-то как без гребцов пойдём?»

Саами с ужасом глядели в свинцовую воду, полную плавающей ледяной крошки. Тун-охранник, с ног до головы в железе, сказал с насмешкой:

— Волны невелики, вода теплая, берег близко. Доплывете! Прыгайте сами, не то поможем!

Мальчик-тун тоже был удивлен. Он провожал глазами гребцов так, словно кто-то высыпал в море мешок доброй еды.

— Матушка, всю дорогу мы пели, призывая ветер и разгоняя туман, — обратился он к Лоухи. — Мы потратили столько сил, чтобы добраться сюда. Как мы восстановим их на обратном пути?

— Если ты голоден, охоться — море полно рыбы, — резко ответила Хозяйка Похъёлы. — Или хочешь стать безумным кровососом и скитаться по Вечному Льду до самой смерти?

Рауни виновато потупился. Лоухи смягчилась:

— Если добьемся успеха, будем дома еще до заката!

В темных волнах, в белой пене среди скал мелькали головы плывущих саами. Лоухи проводила их равнодушным взглядом и повернулась к колдуну. Только она и Филин знали, что предстоит делать.

— Ты подготовил Вместилище?

Филин кивнул и достал из-под скамьи объемистый кожаный мешок.

— Что там у тебя? — любопытствовал Рауни. — Голова деда?

Колдун с невозмутимым видом развязал тесемки мешка и вынул... ручную мельницу-сампо. Небольшую деревянную посудину с расписной крышкой и вертящейся ручкой. Женщины из племени

карьяла мелют в таких ячмень и рожь — при их скудных урожаях ручных жерновов вполне достаточно. Маленькая мельница смотрелась удивительно неуместно в руках туна, на драккаре среди моря и уж тем более — возле запретного острова, откуда уходит в небо Мировая Ось.

— Ты издеваешься? — оскалившись, зашипела Лоухи. — Что это за посудина?!

Филин ухмыльнулся:

— А я думал, ты оценишь мою шутку. К тому же это не только шутка. Я позаботился о твоём удобстве и безопасности...

— Ах ты, старый дурак! Где череп моего отца, который я дала тебе перед отплытием? Куда ты его дел?!

— Сама ты старая дура, племянница, — не остался в долгу Филин. — Ты что, не помнишь своего отца? Не знаю и знать не хочу, почему ты решила сделать из его черепа Вместилище, но всё же в роли Хозяйки Похъёлы мне приятнее ты, а не его злобный дух!

— Ты о чем, дядя Филин? — не понял Рауни.

Колдун не ответил. Лоухи же всё сразу поняла и мысленно с ним согласилась, но не подала и виду, а сказала с досадой:

— Представляю, какой лупоглазой гагарой я буду выглядеть перед главой рода Кивутар, когда вернусь в Похъёлу с нелепой карьяльской мельницей вместо могущественного предка-помощника!

— Вот именно, — со значением сказал колдун. — И хлопот у тебя будет значительно меньше.

Он деловито взглянул на уходящую в облака гору и передал костяное кантеле своему ученику.

— Посторожи. Оно мне там не понадобится, — сказал он в ответ на удивленный взгляд Рауни. — Здешние воды меня то ли не слышат, то ли не понимают, а саму Мировую Ось пением рун не примешь. Тут нужна магия посильнее!

Филин сунул за пояс серебристый топорик в кожаном чехле, встряхнулся, расправил крылья. Сжал мешок с сампо в мохнатых когтистых лапах — и взмыл в воздух. Огромная пернатая тварь, отдаленно похожая на белую сову, описала круг, пролетела над бурунами и благополучно опустилась на пологий берег острова.

Как только лапы колдуна коснулись песка, он вернул себе прежний, более удобный облик. Саами — те, кому удалось преодолеть рифы, — уже выбрались на сушу. Сбившись в кучу, они поглядывали на оборотня-туна и тряслись от холода — сил на то, чтобы бояться, у них не осталось. Колдун на них и не глядел. Ему, наоборот, было жарко. Житель ледяного края земли, он только начинал чувствовать холод, когда люди и звери уже замерзли насмерть.

Все, кто оставался на драккаре, прилипли к левому борту, не отрывая глаз от колдуна. Вот он поднимается по склону среди сосен, идет к основанию горы — или Корня Мирового Древа? — повесив сумку с сампо на плечо и доставая на ходу из чехла топорик. Саами тащатся за ним, как на привязи. Молодой варг Аке затаил дыхание: наконец-то он увидит знаменитое колдовство тунов, о котором столько слышал! А Бьярни уже догадался, что затеяли проклятые оборотни, и теперь быстро обдумывал, не сигануть ли в воду с другой стороны драккара, пока не началось. Но вот что-то блеснуло среди сосен — это колдун приготовил топор. Взметнулось лезвие... и глубоко вонзилось в замшелую скалу!

Варги вздрогнули и зашептали жаркие молитвы Всеотцу и всем его небесным воинам, убеждая их, что они в этом святотатстве не замешаны и оказались здесь чисто случайно.

Топорик поднимался и падал снова и снова. По морю далеко разносился звон металла о камень. Вскоре колдун наклонился и поднял с земли вырубленный им кусок Мирового Древа размером с кулак. Подняв его над головой, Филин показал его оставшимся на корабле родичам, достал сампо, снял крышку и положил камень внутрь. Потом повернулся к драккару и торжествующе поднял сампо над головой.

Лоухи перевела дыхание.

— А боялись-то! А готовились! — пробормотала она и вдруг осеклась, впившись пальцами в борт.

— Смотрите, что это с птицами?! — в тот же миг воскликнул Рауни.

В самом деле, чайки точно сошли с ума. С пронзительными криками они летели к острову, как будто Мировая Ось притягивала их, — и падали грязно-белыми комками. Не долетая до земли, птицы сыпались в волны, разбивались о скалы, повисали в кронах сосен. Аке вскрикнул и ткнул пальцем в воду: одна за другой у борта кверху брюхом всплывали рыбины.

— Ставим парус, уходим! — закричал Бьярни.

Он вскочил, первым готовясь бежать к мачте, но, как на стену, наткнулся на взгляд Лоухи.

— Нет, — отрезала Хозяйка Похъёлы. — Сперва должно завершить начатое!

Остров умирал, как будто кто-то высасывал из него жизнь. За считанные мгновения пожелтела вечнозеленая хвоя сосен. По телу скалы — или

по стволу Иггдрасиля? — пробежала дрожь. Показались камни, посыпалась сухая хвоя. Саами один за другим начали падать на землю, словно из них вынимали кости. Лоухи впивалась когтями в борт и ломала их, сама того не замечая, но ее зоркие птичьи глаза не упускали ничего. Она и увидела, что смерть словно очертила круг, который быстро смыкался, и серединой этого круга был старый Филин. С каждым умирающим саами смерть двигалась чуть медленнее, как будто спотыкаясь о живые души, и колдуну хватило времени сделать то, что нужно. Филин крутанул ручку сампо и торопливо воскликнул:

— Защищен!

В тот же миг наступление смерти прекратилось.

Филин стоял на пяточке зелено-бурой осенней травы, в окружении мертвых сосновых стволов, на сером берегу, заваленном иссохшими трупами жертв, и неуверенно улыбался. Руки его дрожали, но не выпускали спасительную мельницу.

— Она слушается! — дрожащим голосом воскликнул он. — Она исполняет...

Вдруг свет померк, и с неба на колдуна обрушилась крылатая тень. Хлестнула по лицу перьями, словно плетью, вырвала сампо из ослабевших рук. Колдун раскинул крылья, привычно превращаясь в летучую тварь... но не смог оторваться от земли. Только захлопал впустую одним крылом. Второе так и осталось до локтя омертвевшей человеческой рукой.

— Лоухи! — взвыл он, еще не понимая до конца, что пропал. — Меня задело! Мне отсюда не выбраться!

— И прекрасно, — пробормотала Лоухи, опускаясь на палубу драккара с сампо в когтях.